

— Павильон Разбитого Нефрита —

— Да, этот ребенок стал для меня неожиданностью, но раз уж он есть, я обязана сделать всё возможное, чтобы защитить его! Вспомни, как ты, Хуань-эр, покидала дворец — разве ты не продумала всё до мелочей ради будущего Лунъюэ?

Мэйчжуан никогда не стремилась забеременеть от Вэнь Шичу, чтобы бороться за милость Императора. Просто судьба подарила ей этого ребенка именно сейчас, и как мать, она чувствовала, что должна всеми силами его оберегать.

— Ты всё никак не можешь простить Императора, но ведь ребенок ни в чем не виноват! — с легкой грустью произнесла Чжэнь Хуань. Она не хотела, чтобы в сердце ее сестры Мэйчжуан навсегда поселилась обида; с таким грузом в гареме выжить слишком трудно.

— Император — это Император, а ребенок — это ребенок. Разве можно ставить их на одну чашу весов? Если бы я начала винить дитя из-за его отца, разве это было бы справедливо по отношению к малышу?

К тому же, этот ребенок вовсе не был сыном Императора, поэтому она и не собиралась ничего требовать от него.

Чжэнь Хуань почувствовала, что разговор становится слишком тяжелым. Мэйчжуан сейчас в положении, и для нее важнее всего душевное спокойствие.

— Сестрица, ты только недавно узнала о беременности, не стоит всё время лежать. Давай позовем наложницу Цзин и навестим наложницу Дуань!

При этих словах Мэйчжуан вздрогнула. Она вспомнила, что в прошлой жизни именно в этот день наложница Цзин нашла оброненный Су Пэйшэном кошель и случайно раскрыла его тайную связь с Цзиньси. Хотя всё тогда разрешилось мирно, это событие дало Императрице преимущество.

Зная, к чему это приведет, Мэйчжуан, конечно, хотела предотвратить беду. Но она еще не до конца понимала истинный смысл своего перерождения: многие события развивались точно по той же траектории, что и в прошлой жизни, словно ее возвращение ничего не изменило.

— Хуань-эр, давай не пойдем сегодня. Лучше поиграем в шахматы, мы так давно не сидели за доской вместе.

Мэйчжуан хотела проверить, удастся ли ей изменить ход событий, даже если она пока не постигла смысла своего второго шанса. Она поднялась:

— Цайюэ, помоги мне переодеться!

— Хорошо! — Чжэнь Хуань тоже была рада возможности спокойно поиграть в шахматы и скоротать время.

— Госпожа, пришла наложница Цзин!

Сердце Мэйчжуан пропустило удар. Неужели это рок, от которого Хуань-эр не дано уйти?

— Проси!

— Благородная супруга Си тоже здесь? Погода сегодня чудесная, я решила навестить наложницу Хуэй, а заодно предложила сходить к наложнице Дуань, — сказала наложница Цзин.

— Я только что говорила сестрице Мэйчжуан, что она немного разленилась, и мы собирались поиграть в шахматы, как вдруг пришли вы, — ответила Чжэнь Хуань.

— Наложница Хуэй, верно, слишком долго лежала. Чем дольше лежишь, тем больше ленишься, нужно чаще бывать на свежем воздухе. Погода сегодня просто прекрасная!

Похоже, избежать этого не удастся. Что ж, если нельзя уклониться, нужно встретить трудности лицом к лицу. Хуань-эр обязательно справится с любой бедой!

— Наложница Хуэй, пойдемте с нами? — наложница Цзин не отступала.

— Хорошо, пойдемте навестим наложницу Дуань, небольшая прогулка пойдет на пользу.

Когда они подошли к дверям покоев наложницы Дуань, Мэйчжуан остановилась.

— Сестрица, что случилось? Тебе нехорошо? — Чжэнь Хуань остановилась следом за ней.

— Хуань-эр, мне так захотелось тех пирожных из фиников, что готовят у тебя во дворце. Попроси Цзиньси сходить за ними!

Чжэнь Хуань, решив, что это пустяк, лишь улыбнулась и посмотрела на свою служанку:

— Сходи, принеси для сестрицы.

Цзиньси помедлила, собираясь отправить вместо себя Сяо Юньцзы, но Чжэнь Хуань, заметив ее беспокойство, опередила ее:

— Ничего страшного, Сяо Юньцзы всё равно здесь.

— Здесь полно людей, с твоей госпожой ничего не случится! — добавила Мэйчжуан. Она понимала заботу Цзиньси о Благородной супруге Си, но сама она должна была попытаться. Если удастся избежать той роковой встречи — это будет лучше всего.

— Слушаюсь! — с улыбкой ответила Цзиньси и удалилась.

— Идемте, мы уже почти пришли!

— Наложница Хуэй много лет была во дворце, и вот теперь, наконец, дождалась счастья. Даже мне радостно видеть, что у нас появилась надежда, — заметила наложница Цзинь.

Мэйчжуан посмотрела на нее. Наложница Цзинь была лишь приемной матерью Лунъюэ, но после внезапного возвращения Чжэнь Хуань она утратила свою привычную сдержанность. Стало ясно, что материнская любовь оказалась сильнее любых других привязанностей.

<http://bllate.org/book/18472/1771720>